

---

---

## Н.В. ГОГОЛЬ В НЕЮБИЛЕЙНОМ КОНТЕКСТЕ

В.Д. Денисов<sup>1</sup>

*Российский государственный гидрометеорологический университет  
(Санкт-Петербург)*

### О МАЛОРОССИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Н.В. ГОГОЛЯ<sup>2</sup>

Статья посвящена попыткам Н.В. Гоголя в начале 1830-х годов создать малороссийский исторический роман «Гетьман» и двум его опубликованным фрагментам, а также повести, которую можно считать воплощением замысла о герое-гетмане.

**Ключевые слова:** раннее творчество Н. В. Гоголя, поэтическая история Малороссии, диалог культур, козаки<sup>3</sup>, сборник «Арабески», роман «Гетьман», «Глава из исторического романа», фрагмент «Пленник» или «Кровавый бандурист», «Главы исторической повести».

V.D. Denisov

*Russian State Hydrometeorological University  
(Saint-Petersburg)*

### ON A LITTLE-RUSSIAN HISTORICAL NOVEL BY NIKOLAI GOGOL

---

<sup>1</sup> Владимир Дмитриевич Денисов, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Центра международных связей Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ, Санкт-Петербург); e-mail: [vladdenisoff@mail.ru](mailto:vladdenisoff@mail.ru).

<sup>2</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00510.

<sup>3</sup> В слове *козак* и производных от него (для Гоголя они обозначали воинское единство, какое сложилось в особых исторических условиях и стало основой народа) везде в нашей статье сохранено написание гоголевских черновых редакций.

The article is devoted to Nikolai Gogol's early 1830s attempts to create a Little-Russian historical novel «Getman» and also to its two published pieces, as well as a novelette which can be treated as the epitome of Gogol's intention to portray a hetman-hero.

**Key words:** Nikolai Gogol's early work, a poetic history of Little Russia, the dialogue of cultures, the Cossacks, Gogol's prose collection «Arabesque», the novel «Getman», «A Chapter from a historical novel», the piece «The Prisoner (Bloody bandurist)», «Chapters from a historical novelette».

Издание цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) и его успех привели Гоголя к идее создать научно-поэтическую историю Малороссии. Для этого он стал собирать материалы и переосмысливать украинскую тему в общероссийском и мировом масштабе. В то же время поэтическая интерпретация накопленных фактов давала простор его творческой фантазии, порождала художественные образы, отменяла хронологические и пространственные границы, связывала прошлое с настоящим. Все это, в конечном итоге, и обусловило отказ молодого писателя от научно-исторических штудий ради художественно-образного «живого урока» современникам, основой которого стали исторические сведения – разнообразные и разновременные, но одинаково актуальные для автора и читателей.

Основная канва была взята из печатных и рукописных источников, а среди них – три главные. Это первые тома «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина, которую тогда уже считали фундаментально-образцовой. Второй источник – официальная «История Малой России, от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства...» Д.Н. Бантыш-Каменского (1822), объяснявшая, как религиозно-освободительная борьба привела украинцев к воссоединению с Россией<sup>1</sup>. Ее появление стало событием для украинцев – и Гоголь, видимо, ознакомился с «Историей» еще в гимназии. В середине 1820-х годов – возможно, как отклик на этот труд – стала ходить в рукописи «История Русов, или Малой России»,

---

<sup>1</sup> Далее цит. по 2-му изд.: Бантыш-Каменский, 1830

приписывавшаяся святителю Георгию (Конисскому)<sup>1</sup> [о нем см.: Казарин, 1986, с. 21-23]. В *ИР* украинцы именовались исконно «русским народом», и повествовалось о его великих бедствиях, борьбе и ужасных жертвах во времена польско-католической экспансии после введения Унии 1596 г. Эта «История» стала известна Гоголю в Петербурге по списку, скорее всего, О.М. Сомова – уроженца Слободской Украины, журналиста, переводчика, автора малороссийских исторических и бытовых повестей, редактора альманаха «Северные Цветы» и «Литературной Газеты», – которому Гоголь, видимо, и был обязан публикациями в этих изданиях. Кроме того, он имел свои основания доверять *ИР*: сын бургомистра Нежина Г.И. Конисский был ректором Киевской Духовной академии во время учебы деда Гоголя, а затем стал знаменит борьбой за православную Веру в присоединенных западных землях.

Идея художественно обработать *всё* богатство собранного исторического материала не оставляла Гоголя, по-видимому, до осени 1835 г. (так, подзаголовок цикла «Миргород» 1835 г. – «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”» – подразумевал и *продолжение* поэтической истории народа). В дальнейшем же такое соединение творческих и научных трудов, какое сам автор считал тогда перспективным и незавершенным, приведет к разработке «объемлющих всю Россию», историософских, по сути, религиозно-исторических сюжетов «Ревизора» и «Мертвых душ»<sup>2</sup>. Однако еще не было отмечено, что на рубеже 1833 – 1834 годов Гоголь как бы возвратился к началу творческого пути, когда он пытался создать исторический роман...

В сборнике «Арабески» (1835) он поместил одно из своих первых произведений – «Главу из исторического романа» 1831 г.<sup>3</sup>, сопроводив ее следующим примечанием: «Из романа под заглавием “Гетьман”; первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических

---

<sup>1</sup> При ссылках на этот текст – в круглых скобках *ИР* и № стр.

<sup>2</sup> См. об этом: Золотуский, 1979.

<sup>3</sup> О ней: Манн, 1994, с. 234-241; анализ см. в нашей предшествующей статье: Денисов, 2014, с. 128-133.

---

изданиях, помещаются в этом собрании» [Гоголь, 1835, ч. I, с. 41]<sup>1</sup>. Это единственное упоминание о романе и связи с ним двух фрагментов: «Главы...» и «Пленника. Отрывка из романа», датированных в сборнике «1830» – временем появления первых русских исторических романов «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М.Н. Загоскина и «Димитрий Самозванец» Ф.В. Булгарина.

Таким образом, впервые являясь читателям под своим именем в «Арабесках», Гоголь, по-видимому, хотел заявить, что это он еще до «Вечеров...» создал **первый** исторический малороссийский (как следовало из названия) роман, который соответствовал литературной «моде» того времени и ожиданиям читателей. А в доказательство приводились «две главы, напечатанные в периодических изданиях», т.е. востребованные читателями (хотя публикацию второй «главы» не удалось отыскать). При этом обращает на себя внимание как сознательный отказ автора от формы «вымышленного» романического повествования («потому что... не был ею доволен»), так и уничтожение огнем всего несовершенного – в пользу «достоверности» повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки», а затем научного и творческого осмысления художником-ученым в «Арабесках» прошлого и настоящего.

Название (якобы сожженного текста) исторического романа было понятно всем знавшим, что украинских гетманов до 1708 г. выбирали «из рыцарства вольными голосами» (*ИР*, 7). Это подразумевало не только типичность, но и некую исключительность героя, избранного козаками предводителем. А территориальный принцип войскового устройства, которое создал Стефан Баторий (по другим сведениям – князь Е. Ружинский или Д. Вишневецкий, – см.: *ИР*, 15-16) и согласно которому «Украина разделилась на 10 полков (каждый со своим городом), полки делились на сотни (каждая со своим местечком...), а сотни на курени (со слободами, селами и хуторами)» [Максимович, 1834, с. 4], связывал судьбу гетмана с историей народа, наделяя его и военной, и гражданской властью. Н.

---

<sup>1</sup> Цит. по этому изд., указывая в скобках том – *римской* цифрой, страницу – *арабской*.

Маркевич отмечал, что «Гетман тот же Roi, Круль и Rex... царь, избранный народом... Гетманство тоже правление монархическое избирательное», и считал такими гетманами Наливайко, Сагайдачного, Хмельницкого, Павла Полуботка и Мазепу [Маркевич, 1831, с. 121]. И образованный читатель того времени отчетливо представлял ряд украинских гетманов, который заканчивался К.Г. Разумовским, расставшимся с этим званием в 1764 г., когда Екатерина II упразднила автономию *Гетманичины* на Левобережной Украине и само *гетманство*.

А для общественного сознания были тогда (и остались до сих пор!) актуальны ДВА украинских гетмана, противопоставляемых официальной историей. Это спаситель отечества Богдан Хмельницкий (в народном понимании – избавитель, данный Богом, наделенный от Него властью, воссоединивший две части православного народа) и демонический изменник Мазепа, отчужденный от Бога, народа и власти своим клятвопреступлением и за это превозносимый на современной Украине. Образы гетманов запечатлели эпические произведения того времени: поэма Байрона «Мазепа» (1818), роман Ф. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1817, опубл. 1819), думы К. Рылеева «Богдан Хмельницкий» (1822) и «Петр Великий в Острогжске» (1823), его же поэма «Войнаровский» (1825), знаменитая пушкинская «Полтава» (1828), поэма «Мазепа» (1829) В. Гюго, анонимно изданная поэма «Богдан Хмельницкий» (1833), романы П. Голоты «Иван Мазепа» (1832) и «Хмельницкие» (1834), роман Ф. Булгарина «Мазепа» (1833-1834). Главного героя произведений характеризовала соответствующая любовная коллизия – *созидательная* для него и его семьи или, наоборот, как в поэме «Полтава», *разрушительная*. И, воспроизводя заглавие романа, Гоголь просто не мог этого не учитывать. Но представленные им две главы исторического романа «Гетьман» не соответствовали ожиданиям читателя «Арабесок» хотя бы потому, что здесь, на первый взгляд, ни о каком *гетмане* речь не шла и не было даже намек на любовную коллизию. Да и само упоминание о романе «Гетьман» читатель лишь мог принимать на веру: «Глава...» и отрывок «Пленник» абсолютно различны как по сюжету, так и по стилю.

Изначально фрагмент «Пленник» под названием «Кровавый

бандурист. Глава из романа», с подписью «Гоголь» и датой «1832», предполагал напечатать журнал «Библиотека для Чтения» (1834. Т. II. Отд. I «Русская словесность». С. 221-232), уже объявивший среди своих авторов Пушкина и Гоголя. Но если повесть Пушкина «Пиковая дама» в этом разделе напечатали, то против гоголевской публикации (видимо, и под влиянием О.И. Сенковского) выступил редактор журнала Н.И. Греч, чье мнение поддержал цензор А.В. Никитенко, запретивший печатать эту «картину страданий и унижения человеческого, написанную совершенно в духе новейшей французской школы, отвратительную, возбуждающую не сострадание и даже не ужас эстетический, а просто омерзение» [цит. по изд.: Греч, 1952].

Однако, судя по тому, что в первоначальном плане сборника «Арабески» фигурирует название «Кровавый бандурист» [Гоголь, ИРЛИ], автор до июня 1834 г. не оставлял надежды опубликовать всю «главу из романа», а потом отказался от ее кровавого финала и соответственно переименовал заглавие на «Пленник». Поэтому дата «1830» под отрывком в «Арабесках» могла быть поставлена для согласования с «Главой...». Но остается неясным: «Пленник» – самостоятельное художественное целое, или глава одноименного романа, или какая-то часть романа «Гетьман», как утверждалось в примечании (ведь здесь – так же, как в «Главе...», – речи о каком-либо гетмане вроде бы не идет). Весьма проблематично выглядит и заявленное автором в примечании *единство* «Главы...» и «Пленника»: несмотря на одну и ту же дату создания и единое место действия – под Лубнами на Полтавщине, между фрагментами **нет** никаких отчетливых сюжетных и вообще смысловых **связей**.

Более того, если действие в «Главе...» явно отнесено ко временам Хмельнитчины (1650-м годам), то датой «1543 год» в «Пленнике» обозначено время, когда украинцы не знали ни гетманов, ни иезуитов. Предводителей козаков стали называть гетманами после Люблинской унии 1569 г., объединившей Великое княжество Литовское – с Малороссией в его составе – и Польское королевство в государство Речь Посполиту, куда затем и проникли иезуиты. Сложнее вопрос о времени основания «рейстровых» (реестровых) коронных войск [см.: Казарин, 1986, с. 66-67]. Источники, известные Гоголю, указывали: эти войска были созданы в 1572 г. королем Сигизмундом II

Августом (1520–1572, коронован в 1530) из украинских козаков, принятых на военную службу польским правительством и внесенных в особый список-реестр – в отличие от нереестровых козаков, которых оно официально не признавало. Однако в «Истории Русов» (а ей тогда больше доверяли и Гоголь, и Пушкин) эта заслуга приписана князю Е. Ружинскому, который в начале XVI в. «по изволению короля Сигизмунда Первого <...> учредил в Малороссии двадцать неперменных козацких полков»; они наполнялись «выбранными из куреней и околиц шляхетских молодыми Козаками, записанными в реестр военный до положенного на выслугу срока, и от того названы они реестровыми Козаками» (ИР, 15-16).

Таким образом, отрывки *одного* романа, помещенные в *разных* частях сборника, не только принципиально *различны* по стилю, но и отделены во времени действия почти на 100 лет! И причиной столь явного анахронизма, вероятно, была авторская установка «смягчить» тенденциозность «Кровавого бандуриста»<sup>1</sup>, предназначенного для публикации в журнале, которым «самоуправно» командовал поляк О.И. Сенковский. О том же говорит и датировка изображаемого, и его намеренная «средневековость». Они должны были свидетельствовать об *извечном* конфликте Козачества с Польшей и Литвой, о чем упоминалось в «Истории Малой России» [Бантыш-Каменский, 1830, ч. 1, с. 151-169, 197-227]. Отчасти это подтверждает образ предводителя отряда «рейстровых коронных войск» – серба с «неизмеримыми усами», какими в других исторических произведениях Гоголя наделен только *польский* военный.

Все это означает, что «Остржаницей» в тексте с куда большим правом, чем гетман Острица, на которого обычно указывают исследователи<sup>2</sup>, мог именоваться уроженец г. Острога («остржанин», пол. «остржаница») гетман Наливайко. Он возглавил первое выступление козаков против унии в 1594–1596 годах, но потерпел поражение от поляков «при Лубнах, на урочище Солонице» (поблизости от места действия во фрагменте) и был замучен в Варшаве в 1597 г. [Летопись Малой России, 1777, с. 10-11; Бантыш-Каменский,

---

<sup>1</sup> Далее «Кровавым бандуристом» называется и весь прежний фрагмент, и его отделенное из-за цензуры окончание.

<sup>2</sup> См., например: Воропаев, 1994, т. 7, с. 528.

1830, ч. 1, с. 176]. По сведениям некоторых источников, почти там же, под городком Лукомлем, в 1638 г. было разбито войско Острианицы.

Вероятно, соединив в «Остржаницу» прозвища двух гетманов, известных злосчастной судьбой, автор так назвал трагического героя, чей образ определял стиль повествования. Подтверждается это в повести «Тарас Бульба», где *тип* героя-гетмана вновь «раздвоится» на два трагических образа: Наливайко («...гетман, зажаренный в медном быке... лежит еще в Варшаве». – II, 309) и Острианицы («...голова гетмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками». – II, 352). А явный анахронизм во фрагменте указывает, что показ трагического, «рыцарского» и нерыцарского, чудесно-ужасного, живого «земного» и мертвого «подземного» обусловлен авторским пониманием данного периода истории Малороссии как времени мифологически-средневекового, когда кровавый конфликт вольности и насилия, народного и чужеземного, духовного и телесного отражал противоборство Божественного и дьявольского – как это было в средние века в Европе.

Подобная «средневековость» действия предопределила *готический* стиль изображения. И хотя «Пленник» по стилю напоминает произведения «неистой словесности» [Виноградов, 1976, с. 91-94], думается, Гоголь использовал поэтику ее «готического» предшественника, чьи мотивы различимы в «Главе из исторического романа». Об этом свидетельствуют переключки с готическим романом М.Г. Льюиса «Монах»<sup>1</sup>, где описаны мрачные монастырские катакомбы со странными звуками, похожими на стоны погребенных заживо [Льюис, 1802-1803, ч. 3, с. 88-101]. Там за нарушение монашеского обета заточена сестра Агнесса, чью одежду составляет также «одна епанча»; ужас девушки тоже вызывают темнота, «зловредный и густой воздух... пронзительный хлад», «холодная ящерица... отвратительная жаба, изрыгающая черный яд»; Агнессу спасают, услышав стоны в пустой пещере [Там же. Ч. 4, с. 117, 129, 131, 197]. Можно заметить, как преобразуются эти мотивы в

---

<sup>1</sup> Среди подписчиков на эту книгу первым указан Д. П. Трошинский – дальний родственник и покровитель семьи Гоголей-Яновских. Сама книга, видимо, была в библиотеке его имени Кибинцы и доступна юному Гоголю.

«Кровавом бандуристе»: настоятель православного монастыря считает «дьяволами» незваных гостей-поляков, девушку-воина бросают в мрачное монастырское подземелье-кладбище, и она, обращаясь к Богу, преодолевает дьявольское искушение предательства. Насильственное разоблачение ее, когда взорам мучителей предстают чудные волосы, «очаровательная белизна лица, бледного, как мрамор, бархат бровей, обмершие губы и девственные обнаженные груди», а потом «снежные руки» (III, 307, 309), напоминает постепенное саморазоблачение Матильды перед аскетом Гиларием; тем же были поражены и полицейские, когда они схватили мнимого монаха и сняли с него одежду. Здесь же описывался и «окровавленный призрак» монашки Беатрикс, жертвы преступной страсти [Льюис, 1802-1803, ч. 2, с. 171]. Подобные готические мотивы были представлены и в популярных тогда романах В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», Ч.Р. Метьюрина «Мельмот-Скиталец» и – значительно трансформированные – в других знаменитых произведениях «неистой словесности» [см. об этом: Гоголь, 2009, с. 934-935]. На этом фоне «кровавый бандурист», с которого содрана кожа, – явно мученик за православную веру (так, по легенде, казнили апостола Варфоломея), и появление кровавого «фантома», вероятно, должно предостеречь девушку-воина от предательства. Призрак мог появиться и потому, что бандурист стал жертвой насилия, и потому, что героиня (вдова?) жаждет отомстить за его смерть во что бы то ни стало.

В «Кровавом бандуристе» есть и другие литературные реминисценции. Основной мотив – девушки или жены-воина – характерен для средневекового эпоса и позднейших подражаний ему. Так, среди персонажей рыцарской поэмы Ариосто «Неистовый Орланд» (1516), как бы венчающей героическую эпическую Средневековья, есть девы-рыцари Марфиза и Брадаманта. Переводивший «древние поэмы Оссиана» (на самом деле – стилизацию поэта Макферсона) Е. Костров, «предупреждая» читателя о нравах древних каледонцев (шотландцев), замечает, что «супруга, любящая с нежностью своего Героя, следовала иногда за ним на войну, преобразясь в ратника. Такие превращения часто встречаются в поэмах нашего Барда...» [Макферсон, 1818]. В балладе В. Скотта «Владыка огня» (1801) жена рыцаря-отступника, принявшего ислам, переодевается в пажу, чтобы увидеть мужа, бросить ему вызов, и погибает на поединке с ним.

Образ *девушки – узницы подземелья* был характерен для немецкого рыцарского романа, откуда перешел в роман готический, а потом и романтический.

Впрочем, средневековые приметы «черного» (готического) романа: ужасные тайны, подземелья, кровавые призраки, сцены насилия, загадочно-демонические незнакомцы – были использованы в исторических романах и повестях, переключки с которыми тоже весьма значимы для фрагмента. Так, его начало соотносится с началом последней главы в повести Сомова «Гайдамак» (1826): отряд козаков везет связанного по рукам и ногам разбойника-гайдамака Гаркушу. В романе Загоскина «Юрий Милославский» (1829) героя заточили в таком же «мрачном четырехугольном подземелье» разрушенной церкви. А ситуация, когда в захваченном воине опознают женщину, уже была фактически травестирована Гоголем в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1831): один неопознанный пленник брошен в темную комору, другой – в темную хату для колодников, в том и в другом случае вместо ожидаемого «демона» перед Головой и его отрядом возникает... «свояченица» (идентичны при этом и «побранки» на узников). Образ «закипевшего кровью» призрака находит соответствие не только в «неистойной словесности», на что неоднократно указывали исследователи, но и в козацких летописях [Паламарчук, 1990, с. 420] и той части легенды в «Главе...», где пану «чудится»: из ветвей сосны «каплет человечья кровь», она «вся посинела, как мертвец, и страшно кивает ему черною, всклокоченною бородою» (III, 316).

Само заглавие «Пленник» (тем паче «Кровавый бандурист»!), если сравнить с нейтральным «Глава из...», уже подразумевает конфликт. Его определяет та же атмосфера **насилия**, что в легенде из «Главы...». Ночью в городок входит отряд «рейстровых коронных войск», чье появление обычно «служило предвестием буйства и грабительства», но на этот раз «к удивлению... жителей» внимание солдат приковывал пленник «в самом странном наряде, какой когда-либо налагало насилие на человека: он был весь с ног до головы увязан ружьями... (так поступали с пойманными на охоте дикими зверями. – В.Д.). Пушечный лафет был укреплен на спине его. Конь едва ступал под ним. ...толстый канат... прирастил его к седлу» (III, 301). Даже

«месяцу» не разглядеть «капли кровавого пота» на лице «несчастливого пленника», ибо «оно было заковано в железную решетку», а солдаты отгоняют любопытных, показывая грозный «кулак или саблю» (III, 301-302). **Насилие** проявляется и по отношению к служителям Православной церкви: воевода стреляет в церковное окно, бранится и богохульствует, угрожает расправой (ср. в легенде: глумление над дьяконом и его казнь). Запрещенный цензурой финал отрывка добавлял натуралистическую картину пыток и кровавый образ казненного бандуриста.

Таким образом, в «Пленнике» – так же, как в легенде из «Главы...», – конфликтующие стороны открыто противостоят друг другу. Неправедную оккупационную власть, основанную на силе оружия, представляют польские солдаты и наемники, которые одновременно и презирают, и боятся козаков, видят в них дикарей, почти животных (примерно таков смысл вопроса воеводы: «...чего они так быстры на ноги, собачьи дети?» – III, 307). Жертвами насилия выступают жители; муки испытывает пленник. Не зная об ужасном финале, читатель мог лишь предположить, что это не мужчина, по «слабому стенанию», ужасу и обмороку...

Но воины, способные наслаждаться «муками слабого», тем более девушки, за чьи «снежные руки... сотни рыцарей переломали <бы> копьей» (III, 309), не могут быть рыцарями! Демоническое в них обусловлено и «смешением пограничных наций». Так, в роли готического злодея здесь выступает «интернациональный» начальник польского отряда – «родом серб, буйно искоренивший из себя всё человеческое в венгерских попойках и грабительствах, по костюму и несколько по языку поляк, по жадности к золоту жид, по расточительности его козак, по железному равнодушию дьявол» (III, 304). А настоящим Рыцарем, несмотря на свои слабости, предстает пленница в доспехах и шлеме с забралом – своеобразный андрогин, олицетворяющий сопротивление Украины насилию захватчиков. Ведь если женщина, вопреки традициям и собственной природе, берется за оружие – значит, исчерпаны другие возможности сопротивления, переполнилась чаша народного гнева!

Именно этому соответствует художественное (а не хронологическое) время действия в отрывке. Для читателя, хотя бы отчасти знакомого с историей Украины, упоминание о «рейстровых

---

коронных войсках» делало очевидной некорректность датировки «1543 год». Она же нарушала принятое автором в «Вечерах» и 1-й ред. «Тараса Бульбы» **ограничение** исторического повествования серединой **1570**-х годов, когда легендарный козацкий предводитель Иван Подкова (Серпяга) владел молдавским престолом (1577–1578), за что и был казнен по приказу Стефана Батория. Это начало правления самого Батория – польского «короля Степана» (1576), который якобы создал регулярное козацкое войско. А религиозная война, показанная в отрывке, началась **после** Брестской унии **1596** г., когда простые украинцы оказали яростное сопротивление польско-католической экспансии, в то время как многие почтенные и знатные люди, в том числе из козацкой старшины, унию приняли.

Отмеченные в гоголевском фрагменте реминисценции, переключки, сходство ситуаций с литературными и фольклорными произведениями расширяют панораму повествования, вовлекая в него дополнительные планы, пересечение которых и образует «сверхсмысл». Но единственно схожим со всем «Кровавым бандуристом» по тематике, стилю и датировке гоголевским произведением следует признать «Страшную месть» (1832), где мир прошлого с приметами XVI–XVII веков тоже воссоздавался на готической основе, включавшей народные предания, поверья, песни, апокрифы. Чудесное, невероятное – по законам жанра – здесь тоже представляло как **демонически ужасное** (например, появление колдуна на свадьбе или вызывание им души дочери Катерины). А сама жизнь отступника Козачества становилась символом противоестественного, почти животного (сродни волчьему), нехристианского существования. Наоборот, в «Кровавом бандуристе» ужасные муки героев-страдальцев, по-христиански пренебрегающих «телесным», символизируют искупительную жертву во имя национальной независимости. Соответственно тому изображены жители «страны, терпевшей кровавые жатвы», храм и его настоятель, а также катакомбы как «иной мир» – разрушительный для тела и спасительный для души.

По замыслу Гоголя, готические повесть и фрагмент по-своему отражали народное прошлое. Однако – в отличие от «Страшной мести» – готические черты «Кровавого бандуриста» не были

«уравновешены» собственно фольклорным материалом, хотя литературно-фольклорные параллели основных мотивов очевидны: попрание христианских канонов и кара за это, подземный мир смерти, девушка-воин, бандурист. И подобную «литературность», сближающую фрагмент с «Главой из исторического романа» и повестью «Вечер накануне Ивана Купала», написанными в 1830 г., можно рассматривать как характерную особенность ранних гоголевских произведений. Опираясь на известные тогда литературно-фольклорные параллели, используя типичные шаблоны русской и европейской литературы, автор ограниченно вводит фольклорный материал, которым, видимо, в то время еще владел недостаточно, или подвергает его значительной литературной переработке.

Все это позволяет полагать, что в 1831-1832 годах, создавая новые повести «Вечеров», Гоголь начал большую историческую («готическую») вещь, намек на которую, по мнению исследователей, содержит предисловие ко 2-ой части цикла, где Рудой Панек заявлял: «...для сказки моей нужно, по крайней мере, три такие книжки» (I, 713). Работа над ней возобновилась летом 1833 г. А когда возникла необходимость дать что-то новое в журнал «Библиотека для Чтения», Гоголь обработал один из ярких набросков этой вещи, назвав его «Кровавым бандуристом». Позднее он укоротил отрывок и назвал «Пленник», чтобы включить его вместе с «Главой...» в разнородную структуру сборника как **две главы одного исторического романа**. Поэтому заявленный в примечании к ним **отказ от всего романа**, на наш взгляд, подтверждает, что автор в итоге предпочел современную «синтетическую» форму научно-художественных «Арабесок», где *малороссийское* оказывалось заведомо меньше *всемирного* как его часть. Видимо, потому отрывкам романа и статье «Взгляд на составление Малороссии» (как отрывку ее истории) в сборнике предпосланы примечания, что все эти *арабески*, входя в принципиально неполный «малороссийский» контекст, дают лишь представление о контурах и жанре возможного многопланового исторического целого – *романа*.

Но было ли в каком-либо виде создано Гоголем подобное повествование о **гетмане** или нескольких гетманах? – Можно лишь догадываться... Дело в том, что «недостающие» читателю «Арабесок» основные элементы сюжетной схемы заявленного исторического

---

романа о гетмане (в том числе – обязательная любовная коллизия) восполняются в большом рукописном отрывке, найденном после смерти писателя в его бумагах [Гоголь, РГБ]. Уже при первой публикации этого текста, написанного «на отдельных листках самым неразборчивым почерком», издатели полагали, что он «принадлежит к самым молодым произведениям нашего автора и писан может быть еще до появления “Вечеров на хуторе близь Диканьки”, но в нем... проглядывает то художественное представление страны и характеров, которое с такою полнотою развилось в *Tarasе Бульбе* и других... произведениях» [Гоголь, 1855-1856. Т. 5. С. IV, 411]. По наблюдениям исследователей, 5 полулистов с текстом были вырезаны из Записной книги [Гоголь, РГБ, с. 172-173], где в черновой записи повести «Портрет» остались корешки, точно совпадающие с этими 5 вырезанными страницами [Гоголь, 1889-1896, т. V, с. 549; см. об этом также: Чарушникова, 1976]. В копии текста, сделанной П.А. Кулишом, зафиксировано лишь несколько гоголевских исправлений и приписок [Гоголь, ИРЛИк], а позднее Н.С. Тихонравов обратил внимание на принадлежность к тому же тексту и скопированных Кулишом отдельных черновых вариантов [Гоголь, 1889-1896, т. IV, с. 549-551]. Очевидные нестыковки – например, вариативность имен и характеристик героев – на наш взгляд, свидетельствуют о том, что здесь впервые были сведены для работы какие-то давние предварительные наброски.

В гоголеведении этот текст стали считать непосредственным началом романа «Гетьман» (III, 711-716) и соединять с фрагментами того же романа, какими, по утверждению Гоголя в «Арабесках», были «Глава из исторического романа» и «Пленник». Не отрицая связи рукописи с замыслом «Гетьмана», мы полагаем, что объявлять ее началом такого романа нет оснований, если «первая часть его была написана и сожжена», а принадлежность к нему обеих напечатанных «глав» и сюжетное их (а также смысловое) единство, как было показано выше, сомнительны. Поскольку намеченные в рукописи главки по своему объему явно меньше, чем у обычного романа того времени, и в них кратко упомянуты события, предшествовавшие действию, это может быть жанр *романтической повести*: совокупности эпизодов, важнейших для жизни героя (хотя масштаб и

детали изображаемого, а соответственно и жанр на этом этапе работы вряд ли были тогда ясны самому автору). Следовательно, более точным «рабочим названием» этого произведения, на наш взгляд, будет <Главы исторической повести>.

Видеть в них начало романа «Гетьман» исследователям позволяет прозвище главного героя – исторически достоверного гетмана Острианицы «из козаков» [Летопись Малой России, 1777, с. 14]. В «Истории Русов» описано, как нежинский полковник Степан/Стефан Острианица в 1638 г. был избран гетманом нерестровых козаков и возглавил восстание на Запорожье против польской и украинской шляхты. Он показал себя искусным полководцем, очистив приднепровские города от поляков и наголову разбив польские войска у реки Старицы. Гетман Лянцкоронский позорно бежал, но был обложен козаками в местечке Полонном, и только посредничество русского духовенства спасло ему жизнь. Подписав трактат о вечном мире с поляками, Острианица поверил их клятвам и распустил войско, а сам с немногими старшинами заехал помолиться в Каневский «козачий» монастырь, где был предательски захвачен поляками, отправлен в Варшаву и там после пыток казнен с 37 соратниками (*ИР*, 53-56). В повести «Тарас Бульба» читаем: «...после вероломного поступка под Каневым, голова гетмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками» (II, 352)<sup>1</sup>.

Добавим к этому и сведения, в данном контексте еще не фигурировавшие, но многое объясняющие. Внук гетмана Острианицы – полтавский полковник в отставке И.И. Искра – был свояк В.Л. Кочубея, который склонил его донести на Мазепу. Но Петр I не поверил их доносу. Обоих схватили, судили и, после страшных пыток, в июле 1708 г. казнили возле г. Белая Церковь. Когда измена Мазепы стала очевидной, оба семейства невинно убиенных были обласканы и вознаграждены царем, вернувшим конфискованные земли с избытком. После смерти вдовы Искры и его бездетного сына их владения на Полтавщине перешли к Кочубеям, владельцам Диканьки и близким

---

<sup>1</sup> Согласно летописным источникам, Яков Искра-Острианин был убит в 1641 г. во время выступлений против козацкой старшины на Слободской Украине, куда он увел часть войска после поражения в Жовнинской битве [Воропаев, 1994, т. 7, с. 528-529].

---

соседям Гоголей-Яновских по имению. Напомним, что В.П. Кочубей занимал высший пост Российской империи – председателя Государственного совета и Комитета министров (с 1827 г.) и наверняка обратил внимание на автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Тем более должно было бы его заинтересовать повествование об Острианице (работу над текстом Гоголь прекратил после внезапной смерти Кочубея в июне 1834 г.).

Причем в этих <Главах...> Острианица был переименован, хотя в «Истории Русов» он назван Степаном / Стефаном (III, 714-715).

Гоголь дал герою украинское имя Тарас (церк. Тарасий, от греч. tarassō – ‘волновать, возбуждать, приводить в смятение, тревожить’), означавшее «бунтовщик, мятежник» [Словарь, 1987, с. 524] и напоминавшее о гетмане Тарасе Федоровиче (Трясыло). Его победа над поляками в ночном сражении 1630 г. осталась в народной памяти как «Тарасова ночь»<sup>1</sup>. Вероятнее всего, на этого легендарного могучего (буквально «трехсильного») героя и ориентировалась вначале приуроченная к «1625-му году» [Гоголь, ИРЛИк, л. 3] повесть о герое-страннике или – как он сам говорит о себе – «странной судьбы». Затем Гоголь изменил дату на «1645» – и приблизил время действия к началу Хмельнитчины в 1648 г. При этом следы «двойной» хронологии в тексте сохранились. Так, герои вроде бы говорят о турецком походе 1640 г. (III, 282), но упоминание о «Сиваче» (Сиваше) подразумевает знаменитую «битву при Соленом озере» в походе 1620 г. против татар.

Сочетание имен и прозвищ известных героев-гетманов вкупе с обозначением времени, предшествующего народно-освободительному восстанию, должно было давать читателю представление о **типе** героя. Его сближение с гетманом, который «облагородил и возвысил» народный характер [Максимович, 1834, с. V], закономерно для

---

<sup>1</sup> По другим сведениям, в 1628 г. малороссийские козаки избрали себе в гетманы некого *Тараса* из простых козаков, а потом «битву учинили с поляками и победили их множество» [Летопись Малой России, 1777, с. 13]. Поэтому контаминацию образов Федоровича и Острианицы в гоголевском тексте можно объяснить и сведениями, что Острианица в 1638 г. – через 10 лет! – тоже был избран в гетманы из простых козаков [Там же. С. 14]. А еще через 10 лет начнется Хмельнитчина...

исторических произведений той эпохи, нередко использовавших фольклорную традицию изображения легендарных героев (в данном случае она обозначена переименованием *Зиновия* в *Богдана*). Гоголь не мог не знать «Песнь о Богдане Хмельницком» – переложенную на польский Л. Рогальским народную песню о гетмане – затем вновь переведенную с польского, точнее, пересказанную О. Сомовым (1821), и стихотворение своего однокашника В. Любича-Романовича «Сказание о Хмельницком» (1829). Обозначение славного «времени Хмельницкого» Гоголь использовал в журнальном варианте своей первой повести «Вечер накануне Ивана-Купала» (1830), где маркировал основное время действия «малолетством Богдана», а затем в повести «Страшная месть» (1832): бандурист «повел про прежнюю гетьманщину, за Сагайдачного и Хмельницкого», когда «иное было время: Козачество было в славе; топтало конями неприятелей, и никто не смел посмеяться над ним» (I, 279).

Не случайно начало <Глав исторической повести> перекликается с произведениями К. Рыльева – самого известного тогда поэта-историка Малороссии. После успеха поэмы «Войнаровский» (1824-1825) он работал над поэмами и драматическими произведениями о религиозной и национально-освободительной борьбе на Украине в XVI-XVII веках [см.: Рылеев, 1971, с. 29-34, 438-443]. В центре конфликта здесь оказывался харизматический герой, наделенный властью «от Бога» за то, что живет чаяниями своего народа, чувствует и выражает его волю и готов пожертвовать собой для общего блага. И хотя он был наделен характерными чертами легендарных украинских гетманов (Наливайко, Палея, Мазепы), следовало понимать, что его прообраз **один** – спаситель народа Богдан Хмельницкий, а главные события так или иначе напоминают Хмельниччину 1648-1654 годов. Так, в поэме о восстании Наливайко 1594 г. речь идет о Чигирине (возле него расположено Субботово – вотчина Хмельницких), где и происходит расправа со старостой ляхом (как известно, «чигиринский подстароста Чаплицкий» был их врагом), а герой в черновике один раз прямо назван Хмельницким. И хотя, по утверждению С.А. Фомичева, «имя Хмельницкого... здесь легло под перо Рыльева по ошибке», все же исследователь вынужден признать, что «не случайно Наливайко в поэме Рыльева наделяется отчасти чертами биографии Хмельницкого...» [Рылеев, 1987, с. 97, 370].

Но если основой поэмы стали мотивы народных дум о Хмельницком, то образ народного вождя (Хмельницкого, Наливайко, Палея) формировался в творческом сознании поэта под влиянием поэмы Байрона «Мазепа». Возможно, потому, в отличие от народного избавителя, заступника, мудрого полководца, каким предстает гетман в думах, Рылеев изображает героя трагически одиноким, отчужденным от общества из-за своей высокой миссии. Его «страсть к свободе» оказывается сильнее животного инстинкта самосохранения, присущего большинству: он знал, что обречен, но понимал свою смерть как условие свободы Отечества, как неизбежную жертву на ее алтарь. Недаром будущие декабристы восприняли это как пророчество, грозное предсказание судьбы [см.: Рылеев, 1971, с. 31].

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

**Бантыш-Каменский, Д.Н.** История Малой России: в 3 ч., 2-е изд., перераб. и доп. / Д.Н. Бантыш-Каменский. – Москва: Типография Селивановского, 1830. Т. 1. – 470 с., Т. 2. – 296 с. Т.3. – 375 с.

**Виноградов, В.В.** Поэтика русской литературы / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. – Москва: Наука, 1976. – 508 с.

**Воропаев, В.А.** Комментарии / В.А. Воропаев, И.А. Виноградов // Гоголь, Н.В. Собр. соч.: в 9 т. / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – Москва: Русская книга, 1994.

<Гоголь, 1835> – Гоголь, Н.В. Арабески. Разные сочинения Н.Гоголя: в 2 ч. / Н.В. Гоголь. – Санкт-Петербург: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. – Ч. I. – 287 с.; Ч. II. – 276 с.

<Гоголь, ИРЛИ> – Разные бумаги Гоголя, спасенные М.П. Погодиным от сожжения (из собрания П.Я. Дашкова) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Фонд 652. Описание 1. Ед. хр. 1. Л. 53.

<Гоголь, ИРЛИк> – Главы исторической повести (копия П. Кулиша) // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН. Фонд 652. Описание 2. Ед. хр. 71.

<Гоголь, РГБ> – Записная книга Гоголя, из числа принадлежавших Аксакову // НИОР РГБ. Фонд 74. Картон 6. Ед. хр. 1.

<Гоголь, РГБи> Рукопись исторического произведения Гоголя // НИОР РГБ. Фонд 99. Картон 25. Ед. хр. 37.

<Гоголь, 1855-1856> – Сочинения Гоголя: в 6 т. / Н.В. Гоголь; изд. 2-е. – Москва: Н. Трушковский, 1855-1856.

<Гоголь, 1889-1896> – Сочинения Н.В. Гоголя: в 7 т. / Н.В. Гоголь; 10-е изд.; под ред. Николая Тихонравова. – Москва; Санкт-Петербург, 1889-1896.

<Гоголь, 1937-1952> – Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч.: Т. I-XIV. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

<Гоголь, 2009> – Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. / Н.В. Гоголь. – Т. 3. – Москва: Наука, 2009. – 1016 с.

Греч, Н.И. Письмо А.В. Никитенко, 20 февраля 1834 г. / Н.И. Греч // Литературное наследство / АН СССР, Отд. лит. и языка. – Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – Москва: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 545-546.

Денисов, В.Д. О становлении Гоголя-писателя / В.Д. Денисов // Культура и текст. – 2014. – № 1 (16). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2014-116>.

Золотусский, И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – Москва: Молодая гвардия, 1979. – 511 с. – (Серия «ЖЗЛ»).

Казарин, В.П. Повесть Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории / В.П. Казарин. – Киев; Одесса: «Вища школа», 1986. – 126 с.

Конисский, Г. История Русов, или Малой России / Г. Конисский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1846. – № 1-4. – Отд. 2.

<Кулиш, 1856> – Николай М. Записки о жизни Н.В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2 т. / П.А. Кулиш. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. А. Якобсона, 1856. – 340 с.

<Летопись Малой России> – Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъяснением настоящего образца тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших Гетманов, Генеральных Старшин, Полковников и Иерархов; також землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений, издана Васильем

Григорьевичем Рубаном / В.Г. Рубан. – Санкт-Петербург: Тип. Х.Ф. Клена, 1777. – 118 с.

**Льюис, М.Г.** Монах, или Пагубные следствия пылких страстей. Сочинение славной г. Радклиф [так! – *В.Д.*]: в 4 ч. / М.Г. Льюис; пер. с фр. – Санкт-Петербург: При Академии наук, 1802-1803.

<**Максимович, 1834**> – Украинские народные песни, изд. Михаилом Максимовичем / М.А. Максимович. – Ч. 1. – Москва: Унив. типография, 1834. – 180 с.

<**Макферсон, 1818**> – Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: гальские стихотворения: ч. 1-2 / Дж. Макферсон; пер. с фр. Е. Костровым; 2-е изд. – Санкт-Петербург: Типография Ивана Глазунова, 1818. Ч. 1. – С. XLIII.

**Манн, Ю.В.** «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя. 1809-1835 гг. / Ю.В. Манн. – Москва: МИРОС, 1994. – 472 с.

<**Маркевич, 1831**> – Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича / Николай Маркевич. – Москва: Типография Августа Семена при Имп. Мед.-хирургич. академии, 1831. – 155 с.

**Паламарчук, П.** Примечания / П. Паламарчук // Гоголь Н.В. Арабески. – Москва: Молодая гвардия, 1990. – С. 393–430.

**Рылеев, К.Ф.** Полн. собр. стихотворений / К.Ф. Рылеев; изд. 2-е. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – 480 с. – (серия «Библиотека поэта»).

**Рылеев, К.Ф.** Сочинения / К.Ф. Рылеев; сост., вступ. ст., ком. С.А. Фомичева. – Ленинград: Художественная литература, 1987. – 414 с.

**Чарушникова, М.В.** Фрагмент незавершенного романа Н.В. Гоголя «Гетьман» / М.В. Чарушникова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. – Вып. 37. – Москва: Книга, 1976. – С. 185-208.